

— Как она смеет?! — прорычал я, выходя из своего уединенного жилища, построенного собственными руками. Беззубик, мой верный дракон, не позволит ей преследовать меня, но мне нужна была передышка, чтобы остыть. Она преодолела весь этот путь, чтобы вернуть меня в Берк, и все, что она могла сказать, это "прости"? Чтобы убедить меня вернуться, нужны были более веские аргументы, чем просто извинения. Я огляделся в поисках места, где можно было бы привести мысли в порядок. Я выбрал это место, потому что оно было уединенным и доступным только для драконов. Год назад я построил здесь дом из срубленных деревьев, и каждый день наслаждался тихой красотой этого места. Днем я наблюдал за летающими драконами, изучал их повадки, летал с Беззубиком, и все мои проблемы улетучивались. Я хотел свести к минимуму контакты с людьми, поэтому ходил в деревню на другой стороне залива только раз в две недели за припасами. Жизнь была прекрасна... до тех пор, пока она не нашла меня. Неужели она думает, что я просто забыл свое прошлое? Прошлое — это то, что формирует человека, и нельзя отрицать его влияние. Оно полнится муками, насмешками, стыдом, разочарованиями... и многим другим. Именно прошлое не дает мне покинуть это место. Оно настигло меня, но было ли необходимо посылать именно ее? Рыбьенога, Близнецов, даже Сморгча... но ее? Наверное, неприятности всегда преследуют меня по пятам. Я отправился к своему особому месту, маленькой версии бухты в Берке, доступной только по узкой тропинке. В центре был большой пруд, в который впадал ручей. Над прудом возвышался небольшой утес, с которого можно было прыгнуть в воду, не опасаясь за безопасность. Прямо перед прудом лежал огромный плоский камень. Там я обычно сидел, когда хотел подумать, а сейчас мне было о чем подумать. Говорила ли она правду о том, что ей жаль? Или все это было просто притворством, чтобы вернуть меня? Я никогда не видел, чтобы она плакала, и знаю, что плакать для нее не свойственно. Если она плакала, когда я набросился на нее, значит, она действительно сожалеет... или она была напугана до смерти. Но это не оправдывает ее поступки, или бездействие, когда я был в Берке. Что-то казалось не так. Мой разум бушевал: "Ты был слишком жесток с ней... она пришла, чтобы забрать тебя обратно". — "Да, только чтобы судить и убить тебя, если ты вернешься... кроме того, ты бы не оказался в таком положении, если бы не она", — огрызнулся мой гнев. Я размышлял о том, стоит ли мне простить ее... на самом деле нет... могу ли я вообще ей доверять? Его чувства к девушке возвращались, и он начал чувствовать вину за то, что заставил ее пройти через весь его гнев. — Я не могу позволить своим чувствам взять верх... я не могу позволить ей так легко уйти, — прошептал я, не обращая ни к кому конкретно. Но размышляя о ней, я начал замечать, как сильно она изменилась. Она сильно выросла. Ее тело было все таким же, как и пять лет назад, но ее изгибы стали более четкими, у нее появилось больше женских черт, волосы стали длиннее, но она все еще держала их в косе. Она все еще носила свою повязку на голове... она не сильно изменилась. В остальном она была все той же... все той же дерзкой, вспыльчивой, энергичной... прекрасной Астрид. Я усмехнулся про себя, когда сказал "прекрасная". — Некоторые вещи никогда не меняются, — сказал я себе. Я услышал шум позади себя и сразу же понял, кто это. — Ты никогда не оставишь меня в покое, да? — спросил я, не потрудившись обернуться, чтобы увидеть ее, но вместо этого посмотрел в ночное небо. — Иккинг... я, — начал я, но она меня прервала. — Нет, Астрид... Я должен извиниться за то, что набросился на тебя. Я должен был взять верх над своими эмоциями, — сказал я, оглядываясь вокруг, чтобы увидеть ее руки, сложенные перед собой, и я увидел ее залитое слезами лицо, которое заставило мою яму вины зарыться еще глубже. — Нет, Иккинг... ты имел и имеешь полное право злиться... на Берк... на своего отца... на меня. Я знаю, что не могу вернуть те годы... годы, которые могли бы... нет, изменили бы народ Берка к лучшему... но я постараюсь загладить свою вину, — сказала она, подходя ко мне ближе. — Я знаю, почему ты спас Беззубика, я испытала то же чувство, когда соединилась с матерью-драконом перед тем, как лететь сюда. Теперь я понимаю, к чему ты стремился... и мне больно от того, что... я побежала рассказать Стоику... Я была такой глупой, мне не следовало этого делать. Теперь я думаю о том, что было бы, если бы я не побежала... к какой жизни ты мог бы нас привести. Но еще... Тут я увидел, что на ее глаза

навернулись слезы.— Риппер рассказал мне, что ты чувствовал в Берке, когда его собирались судить... и я не могла поверить, что мы сделали это с тобой... что я сделала это с тобой. Я должна была что-то сказать, я должна была заступиться за тебя... не заставляй тебя чувствовать себя менее любимой... но... я... я... слишком боялась, как они начнут обращаться со мной... — сказала она. Я был шокирован, услышав это, но часть меня ожидала этого, и она продолжила.— Ты думаешь, что они делали худшие вещи... но на самом деле это я... меня не было рядом с тобой... я слишком боялась заступиться за тебя, потому что боялась, как они начнут... обращаться со мной... и в результате ты оказался здесь. ...и, наверное, это было лучше, что ты покинул Берк... потому что это позволило тебе найти себя... в отличие от остальных из нас... которые все еще страдают из-за набегов... все еще пойманы в лазейку, в то время как ты... ты сбежал давным-давно... Я не мог верить в то, что слышал. Я никогда не слышал, чтобы Астрид говорила так, и слезы текли по ее лицу с ужасающей скоростью... она не могла притворяться... ей действительно было жаль.— Я могла бы чем-то помочь тебе все эти годы назад... и предотвратить столько смертей... — сказала она, и это был удар ниже пояса. Она упала на колени и начала плакать, не как в доме, а именно плакать... она винила себя за все, что произошло. Она чувствует, что могла бы что-то сделать, и в результате расплачивается за то, что не додумалась до этого. Она осознала свою ошибку и признала ее... Думаю, пришло время мне простить ее. Я встал и подошел к ней. Она не поднимала глаз, уткнувшись лицом в руки... но ей нужен был кто-то... кто-то, кто ее поймет. Иккинг опустился на колени и обнял Астрид. Она вцепилась в него, словно спасаясь от шторма, и рыдала еще сильнее. Это была не та Астрид, что пять лет назад, — это была та, которую он ждал. Он обхватил ее одной рукой, прижал к себе, а другой ласково провел по волосам. Слезы Астрид падали на его рубашку, ее дыхание сбилось, но Иккинг не отпускал ее. — Мне жаль, Иккинг... Мне жаль, — выдохнула она, сжимая ткань его рубашки. Иккинг прижал ее к себе еще крепче. Ей было больно, и он понимал почему. Он видел в ее слезах отражение своей собственной боли — той, что терзала его все эти годы. Боль от того, что он не мог быть тем, кем хотела видеть его деревня, боль от того, что он никогда не сможет стать тем, кем мечтал быть его отец. Как и тогда, когда он не убил Беззубика, он чувствовал себя слабым, беспомощным, испуганным. Астрид была такой же сейчас. Она поняла, какую ошибку совершила, и теперь искала прощения. Но он не мог простить ее так же, как его не простил Берк. Выбрав этот путь, он станет таким же, как те, кто его отверг.— Я прощаю тебя, — сказал он, целуя ее волосы и поглаживая по спине. Астрид начала успокаиваться, ее дыхание выровнялось, плач стих. Иккинг взял ее за подбородок и посмотрел ей в глаза. Они были красными, уставшими от слез, но в них пробивалась слабая улыбка.— Спасибо... Спасибо, — прошептала она, обнимая его.— Ты никому об этом не расскажешь? — спросила она, все еще слегка дрожа. Старая добрая Астрид, казалось, вернулась.— Что происходит в Бухте... остается в Бухте, — ответил он, глядя ей в глаза и вытирая слезу. Она улыбнулась, благодарная за его понимание. Иккинг всегда умел понимать людей. — Ты, наверное, устала после путешествия... и всего, что только что произошло, да? — спросил он, помогая ей подняться.— Да... Мне бы не помешало немного поспать, — сказала она, потирая глаза.— Пойдем, — сказал Иккинг, взял ее за руку и повел обратно в особняк. Прогулка была тихой. Астрид, уставшая от переживаний, начала засыпать с каждым шагом. В мгновение ока они оказались в особняке. Иккинг проводил ее в свою комнату. Она уже почти заснула, поэтому он уложил ее на кровать и снял сапоги. Он засунул ее под одеяло, и Астрид крепко уснула. Иккинг тоже был невероятно уставшим. Беззубик подошел к нему и устался на спящую Астрид.— Я вижу, все прошло гладко, — проворчал он.— Наконец-то она понимает Беззубика... и я рад, что она понимает, — сказал Иккинг, отходя от него. Он сел на стул и начал снимать перчатку.— Так я понимаю, ты скоро собираешься спариться с ней? — спросил Беззубик, и Иккинг устался на него.— Что? Это очевидно, что у тебя все еще есть чувства к ней, а у нее к тебе... как у Хизер и Риппера, — сказал Беззубик, и Иккинг все еще не мог поверить, что он это сказал.— Во-первых, мы только что помирились, мы не собираемся... спариваться... как ты выразился, и кроме того, я ей не нравлюсь в этом смысле, — сказал

Иккинг, расстилая на земле несколько мехов, чтобы спать на них.— Я не знаю, почему вы, люди, так слепы к эмоциям, — сказал Беззубик, сворачиваясь вокруг Иккинга и накрывая его своим крылом.— А я не знаю, почему это твое дело – говорить, друзья мы или нет, — сказал Иккинг, и вскоре последовал за Астрид в мир снов.

<http://tl.rulate.ru/book/92972/3056615>